

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

АЛЕКСАНДР
ДОЛГИРЕВ

Московская
ВЕНДЕТТА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д64

Художник *Алексей Дурасов*

Долгирев, Александр Сергеевич.
Д64 Москваская вендетта / Александр Долгирев. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-223918-2

Москва начала тридцатых годов. В своей квартире убит видный партийный чиновник. Следствие поручено сыщику с дореволюционным стажем Виктору Павловичу Стрельникову и его помощнику, молодому милиционеру Дмитрию Белкину. Мотив преступления неясен: убитый ни с кем не конфликтовал, ценностей в доме не было. Оперативников удивила странная гильза, найденная на месте происшествия. Подобные боеприпасы и соответствующий им пистолет в картотеке ОГПУ не числятся. Вскоре происходит новое убийство. На этот раз застрелен пьяница, обитатель шальной Хитровки. И снова из того же неизвестного пистолета... Что общего между такими разными жертвами? Опытный Стрельников понимает: преступник не простой злодей, у него наверняка была веская причина расправиться и с чиновником, и с опустившимся пьяницей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223918-2

© Долгирев А.С., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

18 мая 1931 года

Над Москвой уже несколько часов властвовала ночь, а я все стоял на безлюдной Тверской и не мог оторвать взгляд от одного из темных окон. Старые дома нависали и давили на меня. Я слышал, что скоро все это уничтожат. Вместо узкой и извилистой улочки проложат по новой моде широченный проспект, а еще один осколок старого мира отправится на покой.

Я оторвал взгляд от окна, которое, на первый взгляд, ничем не отличалось от прочих, и оглянулся вокруг. Крепкие, основательные здания будут упорно сопротивляться, хотя, конечно, никаких шансов перед человеческой машиной разрушения у них нет. Неожиданно для самого себя я улыбнулся старым домам — между нами оказалось немало общего.

Предательская нервозность и смятение неопытности вдруг оставили меня. Дома будто бы улыбнулись мне в ответ, и в душе засиял огонек умиротворения, вскоре осветивший все мое естество.

Нужно было сделать то, зачем я здесь. Сделать, несмотря на весь мой страх и неопытность. Знаешь, я ведь понимаю, что от моего деяния никто не воскреснет и ничто не вернется. Можно сколько угодно разглядывать старые фотокарточки, но детство от этого не воз-

вратится ни на секунду. Только червь ностальгии начнет грызть нутро. Но я оказался здесь не для того, чтобы кормить червя, а потому что попросту не могу иначе. Не теперь.

Пробраться в нужную квартиру мне удалось удивительно легко и бесшумно. Хотя, даже шуми я, как разбушевавшийся пьяница, хозяин, скорее всего, не проснулся бы. Удивительно, как крепко спят мерзавцы! Безмятежно спавший жил в этой трехкомнатной квартире один. Днем в квартире была домработница, но вечером она уходила.

Я завис над кроватью в нерешительности. «Бей сразу. Не думай ни о чем постороннем — лишние мысли вселяют в сердце смуту». Внутренний голос давал дельный совет, но я все же не спешил ему последовать. Я больше не испытывал волнения, скорее оцепенение.

Бывает, идешь по мостовой и видишь какой-то темный предмет впереди. Мысли ленивы и расслаблены, и в разуме невольно возникает вопрос: «Что бы это могло быть?» Действительно, что? Кусок тряпки? Какой-то сверток? Через пару мгновений тебе в голову приходит правильный ответ, и все естество отчего-то передергивает — это раздавленный труп вороны. Если ускорить шаг и не смотреть на мертвую птицу, то эта встреча со смертью смоеся из памяти уже к вечеру. Но если не успеть отвести взгляд, если начать разглядывать неприглядные детали, то тебя охватывает странное оцепенение и ты пять минут стоишь над трупом вороны, будто бы не существуя, превратившись в созерцание.

Я и сейчас смотрел на труп Вороны. Только этот труп еще был живым. Причудливую игру преобразующее время исполнило с его лицом. Когда мы виделись в про-

шлый раз, он выглядел как мокрый пес, который никогда не ел досыта. С тех пор он привык наедаться, лицо приобрело матерость и даже благородную потертость, а мокрый пес так никуда и не делся.

Я сам не заметил, как сел в кресло напротив кровати. Хотелось читать и смотреть на луну. Луны не было видно из-за туч, поэтому я включил лампу и углубился в свои сегодняшние записи. Не знаю, чего я ждал. Возможно, мне хотелось, чтобы Ворона проснулся, хотелось увидеть цвет его глаз.

Не могу сказать, сколько времени прошло. Записи увлекли меня очень сильно. В этот день я решил отвлечься и занялся давней и заброшенной работой над «Песнью о Роланде». Забавно, когда работаешь над текстом, он кажется тебе очень тяжелым, буквально тяжелым. Каждая буква ухает вниз и застревает где-то в районе печени, ложаешься грузным бременем на душу. Но, читая эти же буквы спустя время, ты удивляешься, как они уподобились птицам. Голубям или воробьям...

— Ты кто такой?!

Я посмотрел на Ворону поверх своих записей. Глаза были красные от утомления и недосыпа. Он полусидел в неудобной позе, скоро у него затекут руки и начнет ныть правое бедро. Скорее всего, он застыл в том же положении, в котором был, когда заметил меня. Я положил свою записную книжку на подлокотник кресла корешком кверху.

— Не узнаешь меня?

Ворона тщательно ощупывал мое лицо взглядом. Он переменял позу и завел руку под подушку, где у него почти наверняка было оружие — спокойный сон мерзавцев оплачивается необходимостью спать на стали. Я попросил:

— Не делай этого.

— Да кто ты и как ты здесь оказался, черт тебя по-
бери?!

— Я проследил за тобой до твоего дома, дождался,
когда ты уснешь, а потом вошел через дверь...

— Она был заперта!

— Да, я знаю. Не перебивай меня, пожалуйста, — это
невежливо. Так я оказался здесь, а что касается того, кто
я... раз ты не узнал меня, значит, это не важно.

Он неожиданно усмехнулся моим словам. Ему как
будто почти не было страшно. Было на самом деле — он
слишком часто облизывал губы.

— Ты что, из мстителей каких-то? Я убил твою собаку
сто пятьдесят лет назад? Чего тебе надо?!

— Не забивай себе этим голову. Скажи-ка лучше,
видел что-нибудь красивое сегодня?

— Да ты просто умалишенный! Слушай, может быть,
я смогу тебе помочь?

Меня это развеселило.

— Ты предлагаешь мне помощь? Мне от тебя ничего
не нужно.

— Всем что-нибудь нужно! Как тебя зовут?

Мне стало интересно, почему Ворона медлит и не
пытается напасть. Неужели он действительно думает, что
я просто так забрался к нему в дом и готов так легко его
покинуть?

— Никак меня не зовут. Что же — пожалуй, ты дей-
ствительно можешь мне помочь. Я сегодня, точнее, уже
вчера сделал несколько записей, пожалуй, мне интересно
твое мнение.

Ворона ожидал чего угодно, но только не этого. Впро-
чем, удивление вскоре сменилось яростью — он решил,

что пришло время действовать. Не знаю уж, почему именно теперь, — наверное, он понял, что уболтать безумца практически невозможно. Я увидел, как он напрыгнул всем телом, готовясь выхватить свое оружие.

Я, наверное, сотню раз отработал этот элемент, посвятив ему часы и часы, прокручивал его в уме раз за разом, но в бою еще не проводил. Два удара сердца — и моя рука оказалась на рукояти оружия, еще через два оно было направлено на врага. Как музыка в пустом концертном зале.

В иной ситуации я бы улыбнулся и похвалил себя, но теперь было не до этого, кроме того, умение обнажить меч не стоит гордости. Ворона не был дураком — он расслабился и убрал руку от подушки.

— Достань свой пистолет.

— Какой пистолет?

А вот в дурачка ему играть не стоило. Я сделал вид, что раздражаюсь:

— Тот пистолет, который надежно бережет твой ночной отдых. Достань его из-под подушки.

Он достал тяжелое оружие, которое требовало настоящего мастерства для эффективного использования. Я грустно улыбнулся — столь многие получили в руки оружие, которым не могут в полной мере овладеть, что теперь каждый второй выглядит как мастер, на деле не являясь даже подмастерьем. Впрочем, ворона вполне мог быть настоящим мастером. Я не расслаблялся ни на секунду, глядя на оружие в руке противника, как заклинатель смотрит на змею.

— Брось его на пол.

Ворона посмотрел зло, но сделал, как я попросил. Когда его пистолет, издав тяжелый стук, столкнулся

с полом, я подобрал его и положил в свой карман. Теперь мой противник был безоружен, но в его взгляде было столько расчетливой, коварной злобы, что я не сомневался в его опасности. Он бросил мне глухо:

— Ты ведь знаешь, кто я? Знаешь, что я не простой человек! Тронешь меня, и за тобой полгорода начнет бегать. Они загонят тебя и спустят шкуру!

— Конечно, я знаю, кто ты. Послушай, мгновения, которые тебе осталось прожить в этом мире, уже посчитаны и скоро подойдут к своему завершению. Попробуй не тратить время на злобу. Попробуй увидеть что-нибудь красивое и наполнить свою беспутную жизнь хоть чем-то по-настоящему прекрасным в последние минуты. Мне давненько не доводилось читать вслух — будешь моим слушателем?

— Чтобы ты потом убил меня?

— Да. Я все равно это сделаю. А так ты окажешь мне любезность, а я дам тебе еще несколько минут.

Ворона рассмеялся и пожал плечами:

— У тебя пистолет — с пистолетом спорить трудно.

— Нет, не трудно. Впрочем, тебе виднее. Итак...

Я взял свою записную книжку левой рукой, разумеется не убирая пистолет, и стал читать:

И к франкам обращается великолепный Шарль:

«Люблю я вас и верю вам.

Вам довелось сражаться за меня не раз,

Немало вы мне покорили стран.

В награду вам оставить я готов

Сокровища, наделы, самого себя.

За побратимов оплатите лишь сполна.

За тех, кто пал вчера у Ронсевала...»

Он бросился на меня, вложив всего себя. Это был его лучший шанс, и Ворона это понимал. Я продолжал следить за ним краем глаза, поэтому заметил рывок. Не стоит обнажать меч, если не готов пустить его в дело, — раздался неожиданно громкий звук. Как гром, который вдруг прогремел не за далеким лесом, а в ближайшем поле. Ворона дернулся в своем рывке и упал обратно на кровать, а потом начал сползать на пол. Он был уже мертв — я смог поразить его в самое сердце. Больные глаза были уставлены в потолок, а под трупом начинала растекаться кровавая лужа.

Я отрешился от всего и прислушался к себе. Более всего я боялся, что не справлюсь, что не смогу. Но вот вторым в очередности моих страхов был страх не выдержать давление свершенного. Я часто прокручивал у себя в голове этот момент и размышлял, на что будут похожи мои чувства. Теперь ответ был мне известен — чувств не будет вовсе. Кроме одного.

Я еще раз посмотрел на труп и не без досады произнес:
— Не стал слушать!

1

Служебная машина заехала за Белкиным, когда солнце только начало разливать свой свет над крышами спящих домов. Стрельников разбудил его, когда Дмитрий почти выбрался из лабиринта. Во время сна воображение Белкина освобождалось из тисков реальности, и он не просто решал головоломку на бумаге, а буквально оказывался в запутанном лабиринте. Теперь, сидя в кузове служебного грузовичка, Дмитрий все пытался вернуться в свой сон и найти выход из лабиринта — решить головоломку.

Стрельников между тем наклонился поближе к своему коллеге и начал говорить:

— В доме на Тверской нашли труп. Наш клиент — пулевое ранение. Меня Вуль разбудил — сказал, что дело срочное и до утра не терпит.

— Почему не терпит?

— Он не сказал. Ну, тут вариантов немного — либо покойничек непростой, либо само убийство. Так или иначе, не сердчайте, что я вас разбудил, голубчик. Меня самого подняли.

— Конечно, не буду, Виктор Павлович. Мы там одни будем?

— Нет. Вуль сказал, что всех на ноги поднял — даже специалист по отпечаткам пальцев и фотограф будут как только, так сразу. Видать, дело будет шумное...

Дмитрий невольно скривился. Виктор Павлович заметил это и понимающе усмехнулся. Белкин относился к методу дактилоскопии со всем уважением, но вот толпа, суета и беготня его угнетали.

Грузовичок выкатил на Тверскую. Улица была безлюдна — ночное убийство не потревожило ее покой. Водитель высадил их у нужного дома, а сам отправился петлять по дворам, чтобы встать поудобнее — ему предстояло провести у этого дома не меньше пары часов, а до того момента, как проснувшийся народ начнет потихоньку запруживать улицу, оставалось не так много времени.

Этот дом выделялся на фоне соседей — здесь свет горел примерно в половине окон, а у парадного входа переминался высокий молодой парень в светлой форме. Завидев спешащих к нему штатских, парень остановился и заложил руки за спину, изображая незыблемого стража закона. Стрельников на ходу достал свое удостоверение,

Дмитрий последовал его примеру. Поравнявшись с милиционером, Виктор Павлович заговорил:

— Московский уголовный розыск. Оперуполномоченный Стрельников.

— Оперуполномоченный Белкин.

Дмитрий не отставал от старшего коллеги. Милиционер чуть расслабился и представился в ответ:

— Милиционер Степанов. Проходите, товарищи, вас уже ждут.

Степанов махнул рукой в сторону прикрытой парадной двери, Дмитрий шагнул было к ней, но Стрельников слегка придержал его и обратился к милиционеру:

— Голубчик, а не вы ли первым прибыли на место?

— Да, я и прибыл.

— А расскажите-ка поподробнее об этом... Вы курите?

Степанов кивнул, и Дмитрий угостил его папиросами, запасенными специально для таких случаев. Стрельников между тем начал спрашивать:

— Вам позвонили или кто-то пришел в отделение?

— Позвонили. Около трех ночи было. Позвонила гражданка... Хромова из двадцатой. У них как раз дверь напротив квартиры убитого.

— И что же она сообщила по телефону?

— Точно не знаю — не я разговаривал. Мне передали, мол, поступил вызов и на Тверской слышали стрельбу.

— Понятно. А вы сами с ней общались?

— Да, конечно. Первым делом постучал в двадцатую. Она сказала, что слышала выстрел из соседней квартиры. Причем не только она, но и другие жильцы.

— А через какое время после вызова вы были на месте?

— Минут через двадцать, не больше. Мне тут недалеко дойти.

— Пешком?

— Ну да, я же говорю — тут недалеко. Чего бы и не дойти?

Белкин посмотрел на своего старшего коллегу — на лице Стрельникова не промелькнуло ни тени раздражения, которое он в этот момент испытывал. Наоборот, Виктор Павлович сохранял свойственную ему доброжелательность. Степанов сделал глупость — двадцать минут приятной прогулки по ночному городу, это еще и двадцать минут форы для убийцы. Стрельников продолжил опрос:

— Видели кого-нибудь странного, когда шли сюда или сейчас, пока ждали внизу? Может, ошивался кто или вопросы задавал?

— Да нет. Не было такого.

— Ясно. А как вы узнали о том, что произошло убийство?

— Так я в квартиру зашел!

— И как же? Дверь не была заперта?

— Да, открыто было!

— Вы не спрашивали у гражданки Хромовой, может, у нее был ключ и она заходила в квартиру убитого, пока ждала вас?

— Ну, я не спрашивал, но не думаю, что она бы стала. Она подойти-то к этой двери боялась, не то что в квартиру войти.

Стрельников кивнул и решительно направился внутрь. Белкин чуть задержался, чтобы спросить:

— У вас есть какой-нибудь транспорт при отделении?

Степанов ответил не без гордости:

— Ага, есть! Грузовик АМО, новехонький!

— Как думаете, за сколько бы вы добрались сюда на грузовике?

— Ну, минут за пять, наверное.

Степанов как будто вовсе не понимал, к чему клонит его собеседник, поэтому Белкин спросил напрямую:

— Тогда почему вы шли пешком, а не ехали?

— Так как же я ночью поеду?! Михалыча ночью нет, а сам я в шоферы не обучен.

Дмитрий тоже с легкостью спрятал свое раздражение — для него это умение было жизненно необходимым. Он распрощался с милиционером, для проформы попросив того поглядывать в оба, хотя и не питал никаких сомнений относительно того, что убийца успел уйти уже очень далеко отсюда. После этого Белкин поспешил за Виктором Павловичем.

Двадцать первая квартира была наполнена невыспавшимися людьми. А одна из трех комнат была забита сверх всякой меры. У Дмитрия предательски дернулась щека, когда он увидел такую толпу. Белкин узнал спину дактилоскописта Егорычева, который колдовал над настольной лампой возле кровати. Также здесь трудился со своим громоздким аппаратом фотограф — его имени Дмитрий не знал. Далекое не каждое место преступления удавалось того, чтобы быть запечатленным на пленке. Еще здесь был Стрельников, который, пока Белкин застрял внизу, успел без лишних церемоний взять стул и устроиться напротив кровати. Остальную квартиру с внимательной тщательностью осматривал Володя Хворостин — еще один следователь из МУРа. Двое милиционеров также были здесь на всякий случай, правда, они были не в квартире — один стоял у лестницы в коридоре, а второй напротив входной двери. Наконец, в комнате был сам хозяин квартиры — он полулежал на полу рядом с собственной кроватью. Под ним натекла лужица крови,